ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЗВУЧИТ ГРОЗНО! ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ АСТАФЬЕВСКОЙ ПОВЕСТИ *ЦАРЬ-РЫБА*

Михаэла Морару

Когда тебе придётся туго,
Найдёшь и сто рублей и друга.
Себя найти куда трудней,
Чем друга или сто рублей.
Ты вывернешься наизнанку
Себя обшаришь спозаранку
В одно смешаешь явь и сны,
Увидишь мир со стороны.
И всё и всех найдёшь в порядке,
А ты - как ряженный на святки-
Играешь в прятки сам с собой
С своим искусством и судьбой.

(Арсений Тарковский,
Стань самим собой, 1954)

Как гласит русская пословица: «У кого, что болит, тот о том и говорит». Нет времени, да и не имеет смысла *сейчас* и ***здесь*,** перечислить всё то, чем у нас «душа больна». И тем не менее постоянным, неизбыточным, волнующим душу вопросом, продолжает оставаться тайна «самоосуществления» человеческого сознания: Когда и как, и при каких условиях начинает кровоточить та часть человека, что однажды была названа *душой*? «Заштопайте мне душу, пустота сочиться не может»- просил Маяковский. Мои желания скромнее. И

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

всё-же хочется найти хоть маленькую тропинку, ведущую к пониманию по сей день неразгаданной тайны человеческой мечты: *О чём мечтает Человек? Что ожидает он от жизни?*

Меня всегда волновало поведение человека в «максимально горький период его жизни», испытание человека временем, его способность изменяться (и не всегда в лучшую сторону) в процессе осмысления сути жизни. Правда, в какой-то момент, «при вспышке озаренья» человек понимает:

пусть нам не дано изменить всё немедля,
как хочется,-
но, когда изменяешься ты, меняется мир.
(Е. Евтушенко)

Способность измениться, воля к самоконструированию, всё, в конце концов, упирается в избитый и вечно новый афоризм, произнесённый когда-то древним греком, о необходимости познания самого себя. Если спуститься от «высоких абстракций» на землю, то глупо упрекать других в собственной неудаче, ведь для того, чтобы понять, что жизнь слишком коротка, что не стоит копировать чьи-то чужие судьбы, поступки, что гораздо большим достижением будет попытка прожить свою собственную, неповторимую, никем не придуманную жизнь - для всего этого прежде всего надо попытаться познать самого себя. Путь к самопознанию не всегда лёгок и он неизменно повествует о трагичности существования человека на земле, утешением же пусть служат слова из Библии: «*познание даётся только познающему*».

Любое произведение искусства открывается каждому человеку на языке его внутреннего мира, культурного багажа, духовного опыта, опыта «горестей, бед и обид». И это вполне нормально- истолкование есть естественный способ присвоения вещи в рамках той или иной культуры, с позиций другой модели мира или просто другой индивидуальности.

Творчество В. Астафьева можно определить словами Иосифа Бродского:

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

Дорогая страна,
Постоянный предмет воспевания,
Не любовь ли она?
Нет, она не имеет названия.

Астафьевская проза конца XX века посвящена «дорогой стране» и её замечательным, но причудливым жителям. С патетической настойчивостью проецируется в произведениях Астафьева стремление вдуматься в судьбу Человека и всего мира, в его отношения с этим миром, в его связи с природой, как внешней, так и внутренней, не в единичном проявлении, а в масштабном. В разном художественном регистре и на разном материале решает он коренные вопросы человеческого существования, но всегда, несмотря на самобытность подхода и стиля, звенит тревожно призыв: «Не разрушайте природу люди, не обижайте друг друга, не убивайте в себе *Человека*!». Чёрствость души - самая страшная болезнь на свете. Если мы будем сначала просто не обращать внимания на чужое горе, заглушать голос собственной совести, убеждая себя в том, что потом наверстаем упущенное, а пока и без того много забот, то тем самым мы убьем в себе самое ценное качество - *способность делать добро*. Это огрубляет наше сердце, покрывает его непроницаемой коркой, сквозь которую не пробьются мольбы о помощи. После потери доброты наступает момент, когда человек теряет нравственность. А такой человек способен уже на всё. Раскрывая нам самую суть человеческой души, описывая острые конфликты и обстоятельства, вырисовывая трагические характеры, Астафьев призывает нас быть осторожнее, душевнее и добрее[1]. Астафьев, глубоко и всецельно постигший человеческую натуру во всей её двойственности, проблему *добра* и *зла* рассматривает как стержень, объединяющий образы *Человека* и *Природы* в единую систему. Астафьев, всем своим творчеством, неустанно утверждает, что самое опасное **зло** скрывается внутри человека, который всю неделю играет в жмурки со своей совестью, а по выходным, возвращаясь из церкви, кидает монетку бабульке-

[1] Дедков И., *Возвращение к себе*, Москва, 1978, с.128.

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

нищенке на искупление грехов. Но на такую монету можно купить билет только *в никуда*.

Проза В. Астафьева пронизана вдоль и поперёк животрепещущим чувством тревоги за жизнь Человека и всего живого. В своих произведениях Астафьев, с покоряющей в миг читателя правдивостью и откровенностью, изображает всю многогранность человеческого существования, включая горести и победы, милосердие и жестокость, тягу к труду и порядку вперемешку с легкомысленной беззаботностью, опустошавшим душу бессердечием многих и живым состраданием других[1]. Чем, однако, богат астафьевский мир - то это, конечно, многочисленной вереницей самобытных, неповторимых вариантов человеческих судеб, с автобиографическими и исповедательнами откликами[2].

В его творчестве - от коротеньких суждений (*Падение листа*) до объемистой эпопеи (*Царь-рыба*) - всюду воплощено чувство обязательного долга перед своим народом, перед его людьми, которые, жертвуя иногда собственным счастьем или даже жизнью, укрепили веру в добро, в необходимость «жить свою жизнь правдиво, не приукрашенно, в полном согласии с миром и его нравственными законами»[3]. Но «долог русский долг» и нет тому долгу конца. Уже веками тянется жизнь с её неразрешимыми вопросами и хотя мир меняется и хотя рядом с далёкими, оставшимися без ответа вопросами, появились новые и возникают другие тревоги и опасения, Человек по-прежнему, хоть и в новой «форме» мечется, юродствует и предаёт[4]. И Астафьев, каждым своим произведением, задаёт тот же вопрос: Что же происходит с человеком, а главное, почему? Откуда взялся у русского человека этот всеохватывающий, будто бы изжившийся в старину, порыв к наживу, это стремление к уединению, отстранению от бед людских? И перекликаясь с Анной Ахматовой, которая до него ещё, в сердцах, воскликнула: «И в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас...», Астафьев отвечает печальным голосом: всё чаще и всё

---

[1] Анастасьев Н., «Вопросы литературы», 1978, н.12, с.73.
[2] Логвинов А., *Быть человеком*, Москва, Молодая гвардия, 1976, с.106.
[3] Сидоров Е., *На пути к синтезу*, «Вопросы литературы», 1981, н.10, с.112.
[4] *Там же*, с.114.

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

безысходнее люди, в большинстве своём, чувствуют себя одинокими, опустошёнными. «Нет точки опоры и, что опасней, затерялась линия горизонта, стерлась, растворилась в густой мгле человеческого обмана и произвола»[1].

Астафьев, в своей повести *Царь-рыба* продолжает разрабатывать одну из кардинальнейших линий русской литературы: с одной стороны, естественная, полнокровная жизнь человека, корнями вросшего в традицию и, фальшивая, с другой стороны, лишённая жизненности картина набега, хаоса, небытия[2]. Он передаёт состояние современного человека, оторвавшегося от многовековых корней, сбитого с толку «переходящими ценностями» товарно-денежного полу-бытия, полу-бреда. Малодушие, жестокость, предательство, подлость завладели душой человека, потерявшего память предков, потерявшего историю. Астафьев, в повествовании *Царь-рыба*, черпает свою правду в гуще родной земли, в тайнах вселенной, в сказках, легендах, в мифах и хрониках, придерживаясь строго человеческой конкретики. Порой, его «чёткая» документальность чуть сковывает читателя, но в итоге становится ясно, что именно она придаёт повести дополнительный стимул и силу правдивого свидетельства о Времени и Человеке.

Идейно-стилистическая структура повести *Царь-рыба* основана на непримиримом столкновении двух начал - *Человека* и *Природы*. Их взаимодействие осмыслено писателем в гармонии и противоречии, в их общности и обособленности в один из самых переломных моментов своего «сосуществования». Главный герой всего повествования- сам автор, который, по ходу развёртывания действия, не в силах остаться в сторонке, и вмешивается, философствует, подводит итоги и выносит приговоры. А приговоры очень страшные, способные насторожить даже самых бесшабашных людей: оказывается в новых условиях технического прогресса, основной конфликт Человека с Миром потерял свои привычные нравственные атрибуты, и ушёл, так сказать, в глубину социо-экономических проблем, в невиданный пласт самоуничтожения Человеком человечества. И Планете грозит не

[1] Золотусский И., *Час выбора*, Москва, 1976, с.80.
[2] *Там же*, с.86.

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

столько ядерная катастрофа в будущем, сколько экологическая в настоящем. Необузданная страсть окончательного и бесповоротного подчинения природы воле и «хотению» человека - верный путь к потере человеческого в человеке. Жестокость человека, его неразумность и безразличие перед лицом вечности подчёркивается Астафьевым по ходу всего повествования. Боль и непримиримая борьба писателя за всё живое на земле чувствуется в простой истине его строк: «звери и птицы, растения проживут и без нас, а мы без них обязательно погибнем». С возмущением, призывающим к бдительности, Астафьев подчёркнуто неравнодушно восклицает: «Сам не знающий покоя, человек с осатанелым упорством стремится подчинить, заарканить природу...».

«Нам только кажется - с горечью продолжает Астафьев, - что мы преобразовали всё, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили её, повредили, истоптали, исцарапали, сожгли огнём». В этой повести очень выпукло определена астафьевская позиция по основным темам: человек и природа, жизнь и смерть, вечность и миг[1].

При чтении повести внимание читателя останавливается на некоторых, особо важных для понимания всего целого элементах, выделяющихся из общего фона. Это *образы-символы*, на которые опирается содержание, они, как правило, неоднократно повторяются, «каплями» растекаясь по всем главам: образы-символы *тайги-матушки, Урала-великана, батюшко-Енисея – реки жизни, Царь-рыбы* и т.д. Отличает писательскую манеру В. Астафьева специальное использование звуковой стороны произведения. Неоднократно обращаясь к звукописи, звукоподражанию, автор придаёт повести особый ритмический рисунок. Чуткое ухо писателя воспринимает тончайшие оттенки звучания в окружающем мире.

«Слушал *тайгу-маму* – она отодвинулась от всех шумов, шорохов, отстранилась от всякого движения и отчуждённо погружалась в самоё себя, в хвою, в листья, в мох, в хлябистые болота. Было слышно птицу, где-то за версту неловко и грузно садившуюся на дерево; жуков, орехово щелкающихся о стволы; падение прошлогодней шишки, сухо цепляющейся за сучки». Иногда страстную

[1] Донецких Л.И., *Слово и мысль в художественном тексте*, Кишинев, 1990, с.131.

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

мелодию восхищения перед величием природы пересекают скорбные ноты, возмущающие читателя, уже получившего информацию о «бесхозяйственном» овладении человеком дарами природы. «Я... не стал... рассказывать про... *Урал*, которому прежде всех и больше всех досталось от человека, про ржавые и мёртвые озёра, пруды, реки, про загубленную красавицу Чусовую, про Камское водохранилище, где более уже четверти века *мучается земля*, пробуя укрепиться возле воды, и никак не может сделаться берегом, *сыплется, сыплется, сыплется.*»

Олицетворённый образ «мучается земля» сам по себе потрясает, но усилённый разъяснением, почему «мучается» оставляет жуткое впечатление: повтор слова *сыплется* звучит как рыдание, как символ безысходного, общего горя[1].

Характерным для астафьевского стиля является также нарушение нормативной сочетаемости лексем, в результате чего возникают особые структуры, представляющие собой соединения слов, несовместимых согласно языковой норме. Во всех образованиях с нарушенной сочетаемостью развивается метафорическое значение. Такие индивидуально-авторские конструкции отличаются почти абсолютной непредсказуемостью, одноразовостью использования и выражают яркое, богатое изобразительно-характерологическими возможностями стилистическое средство. Например: *мерцали, светились, играли* капли; *лопочет* осина; кисти черёмухи *полощет* потоком; облачко *притулилось* к берегу; тайга *дышит* чистым холодом; птица... *отвинтила* лапами *сиреневую* шишечку; *жёсткая* тоска; *каменное* бессилие; *угрюмая* мысль; лёд *изнурялся; пламенно загорится* от брусники беломошье и др.

Стилистическая нагруженность различных знаков препинания в повести *Царь-рыба* неодинакова, излюбленными являются тире и многоточие, указывающие на различного рода эмоциональные паузы: *«Чтобы помнили!*// Земля наша едина и неделима, а человек в любом месте, даже в самой тёмной тайге должен быть человеком...// *че-ло-ве-ком!*»

[1] *Там же*, с.135.

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

Вся повесть - это гимн природе! Каждая картина, каждый образ (будь это озеро-Енисей, река-Опариха, лес, тайга-матушка и т.д.) неповторимы, зримы, озвучены, представлены в разных цветовых ракурсах[1].

«В начале сентября накоротке, но буйно *вспыхнет* тундра и сделается сплошь облитой *раскалённым металлом* - это *разгорится* мелкий, чёрствый листик на карликовой берёзке, на голубичниках, тальниках. Скромным *ситчиком зарябят* болота, на которых багульники будут держать *окорелый* продолговатый лист до больших холодов, а потом *потемнеет*, отмякнет тундра и сразу же сделается *голым-голо*, всюду проплешины выявятся, выступят *серые* камни, *сухие* кусты, *хламье мхов, паутина* сопревшей травы, лишь *ярче*, пламенней загорится от брусники беломошье и угаснет уже под снегом.» Идейно-художественный замысел повести потребовал от писателя использования как известных приёмов психологической характеристики героев (диалог, несобственно-прямая речь и т.д.), так и поисков новых средств для изображения сложных, противоречивых чувств своих персонажей. Так Астафьев вводит в повесть внутренние размышления, передающие душевные состояния и настроения отчасти героев (немногочисленных, по сравнению с объёмом самого повествования) и чаще всего автора, его впечатлений от встреч с людьми и с природой.

Интересным образом-символом реки-жизни в *Царь-рыбе* является «батюшко-Енисей», на притоках которого и развёртывается действие повести. Символическое содержание этого образа (рекой жизни назвал его сам автор) строится на мифологических основах: образ реки у многих древних народов был собирательным воплощением всего устройства бытия, всех начал и концов, всего небесного и земного[2]. «Чуть приостановив себя на выдавшейся далеко белокаменной косе, взбурлив тяжёлую воду, батюшко-Енисей принимал в себя ещё одну речушку, сплетал её в клубок с другими светлыми речками, речушками, которые сотни и тысячи вёрст бегут к

[1] Лапченко А.Ф., *Человек и земля в русской социально-философской прозе '70-х годов*, Ленинград, 1985, с.89

[2] Яновский Н., *Виктор Астафьев: очерк творчества*, Москва, 1982, с. 214.

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

нему, встревоженные, непокоем, чтобы капля по капле наполнять молодой силой вечное движение.» Образ-символ «реки жизни», характеризуется у Астафьева обилием или отсутствием рыбы. Автор сам или устами своих героев с горечью говорит о вандализме человека по отношению к дарам природы: «Нет теперь красной рыбы на тех ямах ни летом, ни осенью. Сошла она с порога, укатилась в низовья Енисея и на Ангару, плесень согнала её, капризную, к грязи непривычную...»

В основе образа *царь-рыбы* лежит мифологическое представление древних народов о первичности морской стихии на земле, о возвращении человека из этого царства[1].

Царь-рыба – символ непобеждённой силы добра, воскресшее из страшной схватки со злом, и заставившее человека обратить свой взор вновь к прекрасному. Противоборство Рыбы с Человеком-браконьером, победа Рыбы над ним, физическая и моральная, символизируют могущество природы, её очищающее воздействие на человека[2]. «И рыба, и человек слабели, истекали кровью...Какая же кровь у рыбы? Тоже красная. Рыбья. Холодная. Да и мало её в рыбе. Зачем ей кровь? Она живёт в воде. И ей греться ни к чему. Это он, человек, на земле обитает, ему в тепло надобно. Так зачем же, зачем перекрестились их пути? Реки царь и всей природы царь – на одной ловушке. Караулит их одна и та же мучительная смерть.»

«Иди, рыба, иди! Поживи сколько можешь. Я про тебя никому не скажу!»- молвил ловец, и ему сделалось легче.

Понимая жизнь как вечный круговорот в природе, сложное многоступенчатое движение, Астафьев не может примириться с безнравственным, с его точки зрения, нарушением равновесия в природе и в жизни: «Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?» – спрашивает он не только себя, но и всех нас, приглашая глубоко задуматься над этими во имя нашего спасения[3].

---

[1] Мелетинский Е.М., *Поэтика мифа***,** Москва, 1976, с. 67.
[2] Донецких Л.И., *цит. раб***.**, с. 138.
[3] Хватов А.И., *На родной земле, в родной литературе,* Москва, 1980, с. 313-314.

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)

Как всегда у Астафьева и в повести *Царь-рыба*, внутренняя, душевная правда, правда во имя святого, высокого в человеке – стоит на первом месте.

В его повести повсюду звучат ноты обобщающе-философского характера, и в то же время он сохраняет отважность и способность называть вещи подлинными, иногда беспощадными их именами.

Его повесть-эпопея сигнал тревоги и боли. Он как бы стремится, споря с Горьким, сказать: *«Человек, это звучит грозно!»*

Rezumat

De felul cum scriitorul mânuieşte cuvântul artistic, cum îi percepe valenţele şi plasticitatea, depinde procesul de creaţie a întregii opere. Lumea artistică a „lucidului" V. Astafiev este aglomerată, dinamică, gălăgioasă şi pitorească. El creează o iluzie a unităţii depline dintre Om şi Natură. Pământul Rusiei este o imagine concretă şi polisemantică în nuvela lui Astafiev *Visul crestelor albe* (*Peştele-voievod*). Scriitorul şi-a proiectat eroii, puţini la număr de altfel, pe fundalul imaginilor concrete ale fluviului Enisei, ale râului Opariha, ale drumului, pădurilor fără sfârşit şi ale mormintelor fără nume.

Astafiev completează aceste imagini cu un conţinut universal, rezolvând problema cardinală: ce este Omul şi care este menirea lui pe Pământ.

În centrul universului său, Astafiev împleteşte probleme istorice şi filosofice, generale şi concrete, problemele întregului popor rus, precum şi aspecte ale vieţii personale.

Pentru Astafiev, destinul pământului şi destinul oamenilor formează un tot, şi a desprinde firele invizibile ce-l leagă pe Om de Natură, nu se poate decât prin catastrofe.

S.O.S., oameni!

BDD-A24311 © 2006 Editura Universităţii din Bucureşti
Provided by Diacronia.ro for IP 216.73.217.142 (2026-11-14 22:56:52 UTC)